

Т. М. Керашев. *Дочь шапсугов*. Майкоп, 1951.

Рецензируемая повесть адыгейского писателя, лауреата Сталинской премии, Т. М. Керашева представляет большой интерес для изучения этнографии адыгов. Отличный знаток культуры и быта своего народа, Т. М. Керашев сумел правдиво и красочно, хотя, к сожалению, и недостаточно подробно, воспроизвести шапсугское общество начала XIX в., показать его этническую специфику.

Особый интерес представляет описание хозяйства шапсугов и, в частности, одной из его древнейших отраслей — коневодства. Устами колхозного коневода Кизбеча, от лица которого ведется повествование, Т. М. Керашев призывает советских колхозников-коневонов изучать «былой опыт адыге по коневодению», совершенствовать методы ухода за конем на основе использования лучших хозяйственных традиций народа. В привлечении внимания к народному опыту коневодения и видит основную задачу своей повести автор. Один из персонажей повести столетний старик Гучипс так поучает молодежь народным правилам коневодства: «Первые 15 дней вдоволь сухого сена, по утрам поить подсоленной водой, каждое утро протирать шерсть мокрыми пальцами», на двадцатый день коня надо выкупать в реке и затем «каждый день по утрам промывать соленой водой подседельное место на спине коня, трижды обливать его холодной водой от холки до крупа, а к вечеру тщательно обмывать бока буланого». Далее его надо кормить овсом, сеном, просом, от которого шерсть становится блестящей и густой, и т. д. Гучипс разъясняет затем приемы обучения коня различным видам бега, преодоления препятствий и т. д.

Автор, однако, не ограничивается показом лучших хозяйственных традиций народа. В основу повести положена народная адыгейская новелла, обработанная автором стилистически и насыщенная картинными народными обычаями адыгов. Действие повествования относится к началу XIX в., когда после битвы при Бзюко в 1795 г. бжедугские князья пытались силой оружия утвердить среди шапсугов свою власть.

Общественный строй адыгов рассматриваемого периода автор правильно определяет как строй раннефеодальный, отмечая при этом специфику и степень развития феодальных отношений у различных племен адыгов. У шапсугов, натухайцев и абадзехов в частности, по мнению автора, княжеской власти еще не образовалось, но шел процесс создания мелкодворянского сословия — уорков. В старой литературе об адыгах, напротив, был распространен неверный взгляд о том, что указанные выше племена прошли стадию феодализма и в результате «общественного переворота» перешли к демократическому устройству.

Автор уделяет также внимание показу социальных противоречий, существовавших в шапсугском обществе этого времени. Шапсугские уорки захватывают общинные пастбища, угоняют у общинников скот, отнимают пахотные наделы. Шапсугские крестьяне-общинники («тфокотли») находятся фактически в податной зависимости от феодалов. Феодальная верхушка общества, и в частности, старшины аула пользуются правом решающего голоса на сходе и суде, иными словами, неограниченной властью на селе. Классовым содержанием наполняются старинные общественные институты шапсугов. Так, например, приобретает эксплуататорский характер старинный обычай взаимопомощи. Т. М. Керашев ярко показывает, как при дележе урожая с общинных земель учитывается не столько число работников, сколько число голов скота, выделенного для пахоты, т. е., иными словами, степень зажиточности того или иного работника.

Интересно описание шапсугского института покровительства, т. е. обычая отдачи себя под защиту наиболее влиятельных членов общества. К этому обычаю, согласно повествованию Т. М. Керашева, часто прибегала и молодежь в случае препятствия к заключению брака со стороны родителей.

Однако автор до конца не понял специфики классовых феодальных отношений у шапсугов, заключающейся в сохранности ряда родо-племенных институтов и форм в условиях классового общества. Автор не понял того, что формы и институты трансформировались, наполнялись классовым содержанием. Несколько нечетко, в силу этого, показана автором имущественная дифференциация общинников «тфокотлей». Преувеличена роль родственных связей, родового единства. Вся масса крестьян тфокотлей представляется автору однородной.

Ярко и красочно, хотя недостаточно полно, подается автором этнографический материал о шапсугах, характеризующий этническую специфику их культуры и быта. Ряд описаний, основанных на полевых материалах автора, имеет уникальное значение. К ним можно отнести описание института гостеприимства у шапсугов, быта шапсугской семьи и другие. Так, интересно описание автором отдельных гостевых комнат для девушек, прославленных народом за ум, красоту и прочие добродетели. В девичьи кунацкие имели доступ только наиболее мужественные и доблестные мужчины. От имени таких знаменитых девушек народные сказители слагали хвалебные песни в честь прославленных гостей девичьей кунацкой и бичующие песни против всех тех, кто не имел туда доступа за свои пороки. Согласно описанию Т. М. Керашева, девичьи гостевые комнаты шапсугов имели характер общественных судилищ, где воздавалось должное доблести и трусости, достоинствам и порокам. Интересны отдельные бытовые штрихи шапсугского гостеприимства, своеобразный этикет в отношении гостя.

Во время танцев нельзя было повернуться к уважаемому гостю спиной, при встрече с ним на дороге нужно было спешиться и только после этого приветствовать его. При описании бытовых особенностей шапсугов автор отдельными штрихами характеризует уличный тип поселения, национальную одежду шапсугов, сельскохозяйственные праздники и т. д.

Благодаря применяемому Т. М. Керашевым сравнительному показу одежды князя и одежды шапсугских крестьян ярко видно различие в социальном строе шапсугов и бжедугов. «Черкеска и бешмет тесно облекали его (князя.— З. Н. и Л. А.) фигуру и вся она, как бы облизанная и обточенная, резко выделялась среди косматых фигур шапсугов в барашковых папахах, мохнатых войлочных куртках или в черкесках, шитых из грубого домотканного сукна, в обуви из воловьей кожи». Детально описывает Т. М. Керашев сельскохозяйственные праздники шапсугов, обнаруживающие большое сходство с подобными же праздниками других народов Кавказа. Как и в других местах, шапсугских пахарей обливали из кожаного ведра водой, что, по поверию, должно было способствовать повышению урожая, устраивались пиршества состязания в беге, стрельбе и т. д.

Повесть Т. М. Керашева, основанная на собственных материалах автора, восполняет в какой-то мере пробелы в этнографической литературе об адыгах и может быть использована этнографами в качестве дополнительного источника.

З. Никольская и Л. Акаба

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

BULETIN I INSTITUTIT TË SHKËNCAVET

(Обзор за 1948—1950 годы)

Албанский народ, в героической борьбе завоевавший свободу и независимость и провозгласивший свою страну народной республикой, поставил перед собой задачу построения основ социализма. На выполнение этой задачи направлены усилия всего народа — рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, ее достижению служит осуществляемый сейчас в Албании первый пятилетний план развития народного хозяйства. Одновременно с развитием экономики в стране проводится большое культурное строительство.

Молодая албанская наука развивается в соответствии с задачами общего экономического и культурного подъема страны. Албанская партия труда и правительство во главе с вождем албанского народа Энвером Ходжа уделяют большое внимание научной работе и правильному использованию научных кадров. В постановлении ЦК Албанской партии труда о положении работников культуры, науки, искусства и спорта (апрель 1949 г.) высоко оценивается та роль, которую играют научные работники на службе интересов республики. Отмечая вред, который был причинен на идеологическом фронте титовской фашистской агентурой в Албании — группой Дзодзе и Кристо, ЦК обратился с предложением к правительству создать все необходимые условия для успешной творческой деятельности научных работников. Одновременно ЦК призвал деятелей науки и культуры всемерно развивать культуру своей родины в соответствии с принципами единственного подлинно научного учения — марксизма-ленинизма (Buletin i Institutit të Shkëncavet, 1949, № 1, стр. 3—4).

Сотрудники центрального научного учреждения Албании — Института наук с чувством глубокой благодарности встретили это постановление. В приветственном письме ЦК Албанской партии труда они дали обещание приложить все силы к дальнейшему развитию отечественной науки и искусства.

Через год состоялась III сессия Института наук, на которой были подведены итоги работы Института за год и намечен план на 1950 г. Отметив ряд успехов, достигнутых научными работниками, сессия обратила серьезное внимание на недостатки, имевшиеся еще в работе Института. Сессией было вынесено решение направить деятельность Института на осуществление практических задач народного хозяйства, целиком поставить науку на службу насущным нуждам трудящихся, сблизить теорию с практикой. В своем письме генеральному секретарю ЦК Албанской партии труда Энверу Ходжа сотрудники Института наук благодарили партию и правительство за заботу о развитии научной деятельности в стране и обещали самым активным образом участвовать в деле построения основ социализма, преодолеть унаследованную от прошлых антинародных режимов изолированность научных работников от общественной жизни и построить всю свою деятельность на основе марксистско-ленинского учения и на опыте передовой советской науки (там же, 1950, № 1-2, стр. 183—189).

Печатным органом Института является Buletin i Institutit të Shkëncavet (Бюлле-